

Д.В. ТРУБИЦЫН

МАКРОИСТОРИЯ: КРИТИКА СОЦИОЛОГИИ БОЛЬШОЙ ДЛИТЕЛЬНОСТИ

ТРУБИЦЫН Дмитрий Викторович – доктор философских наук, доцент Забайкальского государственного университета, Чита, Россия (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу положений книги Рэндалла Коллинза «Макроистория: очерки социологии большой длительности». Выявляются трудности социологических исследований долговременных исторических процессов, сформулированной американским социологом геополитической теории государственного изменения. Обнаруживаются проблемы следования принципам социологической науки (строгость теоретизирования, верифицируемость, использование эмпирического материала) при выдвигании новых концепций, подчеркивается необходимость проведения эмпирических исследований.

Ключевые слова: макросоциология • теоретическая история • методология • долговременные исторические процессы • модернизация

DOI: 10.7868/S0132162518020058

В 1999 г. вышла книга американского социолога Рэндалла Коллинза [Collins, 1999] – заметный труд в области знания, условно называемой в России «историческая макросоциология». Спустя 15 лет свет увидел ее русский перевод [Коллинз, 2015]¹. Пока рано судить о том, возымело ли это издание эффект в виде привлечения интереса к данной отрасли, но, в чем мы твердо уверены, ее развитие невозможно без глубокого критического анализа этой и других работ данного направления. Представленная критика претендует на конструктивный характер. Ее цель – не тотальное отрицание выдвинутых идей, в научной значимости которых мы не сомневаемся, а плодотворное использование в синтезе с традиционно развивающимися в России направлениями.

I

Первое сомнение касается возможности распространения общих принципов социологии на исследование крупномасштабных исторических процессов. Макросоциология – это, хотя и «макро», все же социология, и как таковая должна предусматривать наличие эмпирии, строгость теоретизирования и проверяемость выдвигаемых положений. Проблемы исследования таких долговременных исторических процессов, как модернизация и индустриализация, демократизация и глобализация, связанные с их продолжительностью, отсутствием или недостатком эмпирического материала, возможностью морально и идеологически окрашенных суждений, затрудняют применение точных методов. В то же время, данная область знания обладает внушительным арсеналом методов обработки данных². Есть ли в представленной российскому читателю интерпретации истории реальная социология? Или это, хотя интересная, и в ряде случаев, скорее всего, соответствующая действительности, умозраительная картина?

Полагаем, что эти идеи, оригинальные и полезные в условиях теоретического тупика постмарксистской исторической науки, не всегда представляют собой социологическую

¹ Далее по тексту ссылки на рецензируемую монографию будут даваться без указания источника в круглых скобках. – Прим. ред.

² Лучше всего они представлены в работах Н.С. Розова [Розов, 2009].

теорию, если подразумевать под ней науку, занимающуюся проверяемыми построениями. Ознакомление с работой позволяет убедиться, что непосредственные исследования, за исключением нескольких тренд-структур и 2–3 графиков, в ней отсутствуют. Но и преобладающее использование тренд-структур не делает представленные теоретические конструкты проверяемыми: это объяснительный метод, ничего не доказывающий и ничего не опровергающий. В ряде случаев, хотя и не во всех, но в принципиальных, заставляющих пересмотреть устоявшиеся представления об истории, перед нами те же концепции, т.е. слабо верифицированные построения, каких не было в исторической науке, но их сложно однозначно назвать научными теориями. Автор и сам признает, что геополитическая теория государственного изменения «еще не прошла строгой эмпирической проверки» (с. 120). Однако выводы из нее, имеющие большое теоретическое значение, распространяются на другие исследования, в частности, используются в качестве отправных такими последователями Коллинза, как Н.С. Розов, П.В. Турчин, весьма близки к ним в теоретическом плане работы Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева. Рассмотрим ряд таких моментов.

II

Р. Коллинз пишет: «Престиж могущества государства на внешней арене влияет на легитимность его правителей во внутренней политике» (с. 148). Верность этого утверждения бесспорна и не требует специального исследования. Совершенно очевидно, что «внешняя политика меняет внутреннюю легитимность». А вот следующее вызывает сомнение, особенно при строгой, какой требует социология, пусть даже и «макро», формулировке. «Существуют, конечно, и другие внутренние источники легитимности, но в динамике долгосрочных изменений наиболее важным фактором, влияющим на легитимность, является внешний престиж могущества» (с. 148). Выражение «наиболее важный» представляет собой иерархию, требующую доказательств.

Геополитика, по мнению Коллинза, доминирует над другими факторами распада государств. «Центрированная на государстве» геополитическая теория, на основании которой социолог предсказал крушение СССР, по его же мнению, утверждает: «Распад начинается скорее сверху, а не снизу; главный кризис – это прежде всего фискальное ослабление государства, то есть снижение его способности наполнять бюджет, а вовсе не экономический кризис в целом» (с. 12). Теория потому и «геополитическая», что главную нагрузку на бюджет оказывают военные затраты: они «всегда были основной статьёй расходов в крупных современных государствах» (с. 12). Сказанное подкрепляется категоричным утверждением: «революции происходят из-за распада сверху, а не из-за восстания снизу»; «не имеет значения уровень лишений широких групп населения: они не способны разрушить государство до тех пор, пока сплочены элиты и их военный репрессивный аппарат» (с. 55). Автор ссылается здесь на Ч. Тилли [Tilly, 1990], называет установление этого факта «наиболее обоснованным открытием в социальных науках», но сам такого исследования не проводит. Правомерно ли разделять процессы в верхних и нижних социальных слоях, если «лишения широких групп населения» включены в механизм делегитимации власти и раскола элиты? Рост недовольства текущим имущественным положением всегда выливается в недовольство властью, в том числе в традиционных системах, в снижении ее легитимности, в итоге становясь важнейшим фактором раскола элит, к чему и сводит автор главный механизм революции. Разделение этих двух составляющих революционной ситуации представляется искусственным – с целью продвижения идеи кризиса власти при стабильности снизу, кризиса, порожденного только войной и геополитикой.

Это, по всей видимости, наиболее спорный тезис, и он не делается менее спорным оттого, что основанный на нем прогноз оказался верен³. Сложно поверить, что может

³ Речь идет о предсказании Р. Коллинзом распада СССР [Collins, 1986].

быть распад «в верхах», а этот распад вести к крушению государства, если «в низах» все хорошо: люди удовлетворены материальным и социальным положением, их труд вознаграждается, нет расхождения между тем, что говорит власть, и тем, что происходит на самом деле. Многочисленные факты поздней советской эпохи показывают иную картину. Не все бывшие советские граждане забыли, несмотря на усилия нынешней пропаганды, пустые прилавки магазинов, очереди и талоны, понятие «дефицит», торговлю из-под прилавка, выражения «достать», «выбросить к празднику». Возможно, американскому социологу трудно поверить в то, что дефицитом могут быть гречка и туалетная бумага (экономический потенциал СССР сильно переоценивался в западной социологии). Но это недопустимо для российских обществоведов, тем более, переживших ту эпоху. Реальное положение дел в экономике стало, мы в этом уверены, главным предметом разочарования советских граждан в социализме и единственной причиной перестройки. Перестройка как попытка выхода из тупиковой экономической ситуации породила раскол элит, и именно в силу этого разочарования миллионы советских граждан не вышли на улицы в защиту СССР, когда этот раскол привел к его распаду. Во многом под влиянием этого разочарования национальные окраины выступили против сохранения Советского Союза с августа по декабрь 1991 г. Отчего, наконец, зависит фискальное ослабление государства, откуда берется «снижение его способности наполнять бюджет», если не от состояния экономики? Не менее важна социальная деструкция. Шел процесс классового образования в обществе, задуманном как бесклассовое, и реальная жизнь партийной номенклатуры не могла не раздражать. Это также наносило удар по коммунистической идеологии и власти.

Здесь, как и в некоторых других «макросоциологиях», создается впечатление случайности происходящего. Все было хорошо с Советским Союзом, но вдруг он почему-то не смог наполнять бюджет и получил раскол в элитах. Но разве не закономерен финансовый кризис СССР, который был в десятки раз экономически слабее своего противника, при этом тратя на оборону до 1/3 ВВП, тогда как США – 6% [Заславская, 2004]?

Заметим, во всех случаях, которые социолог приводит в качестве примеров революции как структурных трансформаций (начиная от Великой французской и заканчивая русскими 1917 и 1991 гг.) (с. 13), имелся не только финансовый, но и социальный и экономический кризис. И здесь важно определить, что является причиной, а что – следствием. Полагаем, экономика является основой финансового благополучия, а не наоборот. Возможны заблуждения, что в основе социальной и экономической динамики лежит «правильная» или «неправильная» финансовая политика, достаточно ее изменить, и все пойдет хорошо. На самом деле главные причины финансового нестроения общества лежат в ущербности его экономической системы. Финансовые кризисы – индикатор, а не причина экономических проблем. Разумеется, это не означает, что эти сферы не обладают некоторой автономией по отношению друг к другу, и что неэффективная или коррумпированная финансовая система не оказывает негативного воздействия на экономику. Но все же финансы есть форма распределения богатства, а не создания. Реформированием финансовой системы экономическую болезнь не вылечить.

Есть проблема и в трактовке понятия «экономический кризис». Экономический коллапс советского народного хозяйства не есть кризис рыночной экономики Запада. Это кризис исчерпанности модели, исторический тупик, выход из которого стал несовместим с породившей его системой.

III

Упомянув слово «случайность» по отношению к краху советского государства, мы затрагиваем вопрос случайности и необходимости в историческом процессе. О распаде СССР автор пишет: «Мое предсказание состояло в том, что совпадение нескольких кризисов приведет империю к разрушению» (с. 100). Это – заблуждение, имеющее важное теоретическое значение. Из него вытекает, что социализм и созданный на его основе

СССР были в принципе жизнеспособны, и лишь совпадение отдельных недостатков, во многом случайное, привело к их гибели. В чем истоки ошибки?

Опираясь на понятие «нормальные случайности» Перроу в сложноорганизованных системах [Perrow, 1984], Коллинз утверждает, что «имеющиеся в таких структурах местные неполадки, которые могут быть исправлены по отдельности, перерастают в общесистемный кризис, когда происходят одновременно» (с. 100–101). Именно это представляется неверным. Хотя ряд компонентов общесистемного кризиса формируются на вероятностной основе, в этом автор прав, есть процессы, происходящие с необходимостью. Прежде всего это экономический коллапс социализма. Это и политический кризис как результат функционирования порочной системы отбора, не позволяющей блокировать механизм деградации элиты. Автор считает, что каждая из составляющих системного кризиса могла быть исправлена по отдельности, но как можно было преодолеть «фискальный кризис» при почти полностью стагнирующей экономике? Среднегодовой прирост материального производства СССР в 1971–1975 гг. составил 3,2%, в 1976–1980 гг. – 1,0%, в 1981–1985 гг. – 0,6%, в 1986–1990 гг. – не обнаруживается вовсе [Лопатников, 2000: 19]. На фундаментальность данного фактора в причинном комплексе крушения социализма указывает производительность труда в России, которая всего лишь через год после этого события составляла 17% от производительности труда в США [Кудров, 1999]. И как можно было покончить с застоём в механизме отбора элиты без призыва к демократизации, приведшего в итоге к крушению социализма как политической системы?

Мы не настаиваем на безальтернативности и «железной необходимости» исторического процесса и отсутствии развилок развития. Но прохождение тех же развилок и объективный выбор исторического пути представляются нам более жестко детерминированными и закономерными, чем Коллинзу и его последователям. Среди них упование на «черного лебедя» становится общим местом. Впечатление случайности социальных процессов – расцветов и подъёмов цивилизаций, государственных распадов и революций – складывается при ознакомлении с самыми заметными работами в данной области. Так, рассмотрение демократии как случайного, даже побочного продукта политической борьбы, хотя остроумно и важно для преодоления вульгарного политического эволюционизма, все же обнаруживает серьезные противоречия. И процесс модернизации становится в данных работах результатом удачного стечения обстоятельств [Розов, 2011].

Насколько серьезна данная проблема в теоретическом плане, показывают Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев,двигающиеся параллельно Коллинзу, но широко использующие в исследовании истории математические методы. В одном из своих трудов они экстраполируют понятие «ароморфоз» из биологии, которое в применении к обществу понимают как универсальное изменение в развитии социальных систем, повышающее сложность, приспособленность и взаимное влияние обществ. Они подчеркивают, не без оснований, что «для появления новой, эволюционно перспективной модели всегда требуется сочетание особых, в чем-то исключительных условий, уникальное совпадение факторов» [Гринин, Коротаев, 2007: 26]. Однако роль случая оказывается столь исключительной, что авторы утверждают, например: монгольской империи не было бы, если бы Чингисхан не дожил до ее создания [там же: 29]. А рассуждая об иерархии факторов такого ароморфоза, как промышленная революция, они полагают, что большую роль сыграл английский протекционизм, в частности, запрет на импорт тканей, который как «пусковой механизм» и «удачная случайность» совпал с другими факторами (относительно быстрого развитие страны в сочетании с ее периферийным положением).

Отметим способ организации текста – внимание намеренно акцентируется на случайности запрета на ввоз тканей (является ли он случайностью?), а метафора «пускового механизма» призвана провести читателя мимо подлинной причины. Главное же, на наш взгляд, – уровень развития капитализма – предлагается как некий фон, на который накладывается «пусковой механизм», что и создает впечатление скорее случайности, чем закономерности. Заметим также, что, будучи весьма сциентистской в целом,

предлагаемая ими методология не опирается в данном случае на непосредственно проведенное исследование, а осуществляется путем подбора показательных случаев.

IV

В экономике соединяются макро- и микроуровни социального движения: люди вступают в повседневные социально-экономические отношения, а характер и эффективность этих отношений влияют на макроуровень. Совокупная экономическая состоятельность общества выражается в финансовых возможностях государства и определяет его геополитические успехи/неудачи. Рассмотрение кризиса как геополитического феномена означает упущение микроуровня, того, что делает социологию социологией⁴. Соединит ли сама по себе геополитика микро- и макроуровни социальной динамики и сделает ли тем самым сравнительно-историческое исследование социологическим? Автор считает, что соединит. Таковым механизмом он видит «военную организацию крупных держав», которая «объединяет в борьбе мужчин призывного возраста из всех слоев населения» (с. 19).

Да, такая взаимосвязь имеется, но есть возражение эмпирического плана: советский всеобщий призыв объединял страну, ее очень разные культурно-исторические регионы (Россию, Кавказ, Прибалтику, Среднюю Азию) лишь до определенного момента. Нарастающий внутренний кризис ощущался еще до начала явных провалов во внешней политике, в том числе в армии, где собирались призывники со всех республик. По теории Коллинза советская армия с принципами ее организации и призыва (два/три года службы с единой наднациональной идеологией) должна была стать одним из столпов советского общества. И стала. Но процессы распада имели место уже тогда, когда ни у кого не было сомнения в геополитической мощи СССР. Мы не оперируем здесь научными данными, а доверяем собственному опыту. Но если считать три выстрела из автомата перед присягой – и это все за два года службы – нормой для сверхдержавы, то кризиса не было. За минусом снижения дисциплины, роста национальных конфликтов, воровства казенного имущества, пьянства офицеров, неуставных взаимоотношений, дезертирств, самоубийств, несчастных случаев, безответственности, превращения срочной службы в обслуживание и прислуживание. Все это не просто достать сегодня из-под толщи пропаганды о могуществе советской армии и воспоминаний людей, не обремененных необходимостью научного анализа, но российскому социологу никак нельзя пройти мимо того, о чем может не знать Р. Коллинз. Уже в начале 1980-х гг. реальное состояние армии никак не удерживало страну от распада. Офицерский состав не имел авторитета среди сложившихся к этому времени землячеств, особенно с Кавказа и из Средней Азии. Дисциплина даже в наиболее «уставных» частях была «палочной»: срочники не только из восточных республик, но и из самой России, подчинялись приказам только под угрозой жестких дисциплинарных наказаний. Армия и всеобщий призыв при такой морально-психологической обстановке не могли выполнять функций, которые возлагает на них американский социолог – они не объединяли «мужчин призывного возраста из всех слоев населения». Напротив: служба в армии становилась еще одной причиной разочарования в социальном строе.

Итак, в горизонтальном распаде СССР (трансформация республик в суверенные государства) главным видится геополитический фактор. В этом раскладе нет места экономической несостоятельности советской системы. Социолог утверждает, что это была «одна из великих структурных революций в мировой истории, затронувшей все уровни общества» (с. 15). Заметим: экономика на этот раз не проигнорирована (упомянуты все уровни общества). Но ее значение снижено лексически словом «также»: «фискальное напряжение, порожденное сочетанием военных расходов, связанных с геополитикой

⁴ Отчасти данная проблема затронута в [Романовский, 2016].

«холодной войны», а также растущее отставание экономического роста от западного капитализма не могли быть преодолены ограниченными реформами Горбачева» (с. 15).

Конечно, нельзя не считаться с тем, что сознание сверхдержавы, коей был Советский Союз, являлось мощным центрирующим фактором для национальных окраин: они были приобщены к великой державе, и ее ослабление и капитуляция перед врагом стали фактором разочарования и начала поиска своей судьбы. Но в первую очередь нахождение республик в составе СССР оправдывалось эффектами индустриализации и «социалистического строительства», социальным и экономическим благополучием, хотя и относительным, но явно более выраженным, чем на сопредельных восточных территориях. Когда благополучию пришел конец, сильнейшее оправдание отсутствия независимости исчезло. Там же, где соседи были богаче и процветали (европейская часть страны), стремление покинуть Союз было сильнее. И, разумеется, никто не отменяет культурные и ментальные составляющие центробежных тенденций.

Важным подтверждением является Чечня. Коллинз часто обращается к этому примеру. «Ситуация на Северном Кавказе обострилась в 1990-е гг., после распада СССР; чеченское население было склонно к отделению подобно Грузии, Армении и Азербайджану, но было силой удержано в Российской Федерации» (с. 19). Есть основания сомневаться, что оно было удержано только силой, или, во всяком случае, что силовое удержание могло длиться долго без колоссальных средств, которые стали поступать в республику после обретения правящим режимом «манны небесной» в виде высоких цен на углеводороды. А это фактор экономический, не геополитический. Важно отметить, что от внимания социолога не ушло то обстоятельство, что консервативный поворот России 2000-х гг. связан с ростом цен на нефть (с. 15).

Завершая разговор о «крупнейшей геополитической катастрофе», отметим, что удачное предсказание этого события на основе некоторой теории не является абсолютным доказательством правильности этой теории. СССР распался, но распался не по тем причинам, вернее, не в той конфигурации причинно-следственных связей, которую предлагает Р. Коллинз.

V

Такова же роль военной мобилизации, по мнению Коллинза, в процессе становления современного государства. В предисловии к русскому изданию своей книги одной из успешных проверок «военно-фискальной теории» он называет работу М. Сентено [Senteno, 2002], считая верной следующую аналитическую цепочку. «Государства Латинской Америки обычно не вели внешних войн. А значит, не проходили через революцию массовой и дорогой военной организации, не были вовлечены в создание широкой системы налогообложения, не создавали бюрократический аппарат для государственного проникновения в общество. Результатом стали слабые и несовременные государства...» (с. 10). Однако установлено ли, что везде, где есть «сильные современные государства», имелось военное соперничество? Только после получения подтверждения данного тезиса имеет смысл следующее: «Характерное для Нового времени проникновение государства в общество ... не только создавало чувства национальной идентичности, но также воодушевляло социальные классы на участие в борьбе за политическое представительство на общественной арене и за другие уступки в ответ на фискальные требования» (с. 36). Законен вопрос: почему геополитическое напряжение и налогообложение не привели к столь же эффективной борьбе за демократию в странах Востока и в России?

Это не ускользнуло от Коллинза: «В зависимости от того, какие были в их распоряжении типы экономической организации, государства полагались на получение средств от городских купцов или от завоевания аграрных территорий» (с. 36). Он опирается на упомянутую работу Ч. Тилли, но заметим: то, что представлено в виде незначительной оговорки, начисто меняет все дело. Оказывается, исход зависел от господствующего типа экономики, и это совершенно верно. Именно она направляла политическое

развитие аграрных и раннеиндустриальных обществ в разные стороны. Но тогда, согласно методу выявления единственного различия, одному из основных в исторической макросоциологии, причиной ускоренной демократизации политической системы становится не война и геополитика (они есть и там, и здесь), а именно наличие купцов и мануфактуристов, высокий удельный вес промышленников, не «аграриев», в экономике страны. И снова со ссылкой на Тилли Коллинз пишет: «В зависимости от того, какие были доступны источники: либо капитал, поставляемый городскими экономиками, либо сельскохозяйственная земля, государства следовали различными траекториями организационного и военного роста. Одной крайностью был наем войск союзами правителей и капиталистов, что благоприятствовало разделению власти в городских олигархиях и федерациях, закладывая основу для республик. Другой крайностью было экстенсивное завоевание земель – путь роста государств, в которых господствовали военные аристократии» (с. 91). Отрицать после этого фундаментальное значение экономики для политического развития более чем странно. Но Коллинз не перестает подчеркивать обратное. Здесь же: «структура военных ресурсов была ключом к внутренним формам государственной организации» (с. 92). Почему ресурсы стали именно военными? Потому что государство использовало их для войны? А если бы это было не государство, а церковь, и она тратила бы их в большей мере на религиозные цели? Тогда теория называлась бы «центрированная на церкви»? Экономика и экономические отношения как фактор развития общества отсекаются здесь спекулятивно. Если в предпосылке (озвученный Тилли классический тезис о влиянии экономического уклада на государство и его организацию) есть влияние экономики, то на выходе умозаключения она «потерялась», превратившись в «военные ресурсы государства». Оно и понятно, ведь теория-то «центрирована на государстве»!

Геополитический детерминизм, характерный для последователей Коллинза, порождает существенное противоречие. В соответствии с ним всякая успешная политическая модернизация должна совпадать с доминирующим военно-политическим положением страны, что наблюдается в мировой истории далеко не всегда. Не большинство ли вполне устойчивых современных демократий никогда даже не претендовали на геополитическое доминирование? Мы считаем верной прямо противоположную мысль: именно отказ от геополитического противоборства, от идеи «великой державы», стал для многих из них условием экономического развития и стабильной демократии.

Если следовать предложенной логике, никакие прогрессивные революции невозможны в странах, не играющих ведущей политической роли на международной арене; продвижение вперед, складывание современной политической системы – удел крупнейших геополитических игроков планеты. Ведь только они имеют большие военные расходы, только у них может возникнуть фискальное напряжение, вызывающее раскол элит – главные факторы настоящих успешных революций. Тогда откуда взялись на планете 110 реально работающих демократий и невесть сколько эффективных рыночных экономик? Эта теория сужает возможности политической модернизации до небольшого количества геополитических лидеров, остальным странам путь в демократию и процветание заказан. Как быть, например, с «бархатными революциями» в Восточной Европе, в странах, никогда не претендовавших даже на статус региональных держав, не вступавших в военный конфликт или гонку вооружений, не имевших особенных военных затрат и связанного с ними фискального кризиса, и где, тем не менее, закрепилась современная демократия? Единственный, кто подходит здесь под признаки настоящей, по Коллинзу, т.е. геополитически детерминированной революции, это вдоволь наигравшаяся в «великую державу» Югославия (она же Сербия). Но как раз здесь результаты революции весьма ограничены.

Поэтому лишь отчасти согласимся с обновлением теории Коллинза на материалах последних событий – «цветных революций» в Украине, Грузии и др., «арабской весны» 2011 г. Неудачи и незавершенность этих революций он объясняет тем, что в их причинах отсутствует структурный кризис, связанный с геополитикой и фискальным кризисом

государства. Они не были порождены проблемами, «которые можно решить только заменой одного состава лидеров другим» (с. 13), а раз так, результаты этих революций были ограничены. Следует согласиться: «цветные революции» в бывших советских республиках равно как участники «арабской весны», демонстрируют временный успех народных движений, но мало проводится структурных преобразований, и в течение нескольких лет прежние местные элиты, как правило, восстанавливают власть» (с. 15). Но где доказательство того, что кризис должен быть не экономическим, а геополитическо-фискальным? Представляется, что марксистский способ объяснения ограниченности результатов революционных движений – слабость национального предпринимательского класса, довлеющее влияние государственных структур в экономике – не хуже. И он более «социологичен»: его можно проверить анализом социально-классовой структуры, чего нельзя сказать об интересных, но все же умозрительных построениях Коллинза. Безусловно, революционное движение, если увидеть его позитивный результат в структурной трансформации в сторону современных политических систем, должно быть глубоко детерминировано. Но геополитика и связанный с нею фискальный кризис – явно не та глубина.

VI

Обратимся к историографии. Р. Коллинз стремится уточнить некоторые тезисы Дж. Голдстоуна, хотя и высоко оценивает его работу [Goldstone, 1991]. В ней за революции Нового времени «ответственен» рост населения. Именно он привел в действие три механизма государственного распада: 1) финансовый кризис, 2) конфликт элит и 3) народное восстание. Но у Голдстоуна есть и собственно социологическое исследование, и эмпирия в виде данных о численности населения, и задействован экономический механизм как основной – именно он, будучи традиционным аграрным, был не в состоянии прокормить население, и автор констатирует его замену на капиталистический, который лучше справился с этой задачей. Поэтому работа Голдстоуна представляется более близкой к истине. Она и «социологичнее», и соединяет причину кризиса (демографический рост) с ее механизмом (финансовый кризис, раскол элит, народное восстание) экономикой. Экономика здесь – ключевое звено, соединяющее общество и его природную основу в механизм взаимодействия, чего нет в «Макроистории» Коллинза.

В этой связи актуальна критика Голдстоуна в адрес Т. Скочпол, которая также делает упор на войне и геополитике как причинах революций [Skocpol, 1979]. Он указывает на то, что целый ряд революций произошли без явного геополитического напряжения. Есть и другая критика ее работы, авторы которой считают выводы о военно-геополитических причинах распадов и революций необоснованными [King, Keohane, Verba, 1994]. Они указывают на то, что выборка случаев в работе Скочпол была не сплошной, и в анализ не входили случаи, где революций не было (выборка по зависимой переменной). В работе же Голдстоуна содержится анализ по независимой переменной (сам Коллинз считает его работу «самым впечатляющим образцом исторической макросоциологии») (с. 66). Таким образом, выводы об экономике и перенаселении как причинах революций оказываются социологически более доказанными, чем выводы о геополитике.

В заключение повторим, что мы не возражаем против смелых гипотез и блестящих теоретических построений Коллинза и его последователей. Они находятся, мы в этом уверены, на переднем крае социального познания. Однако именно в моментах, являющихся принципиальными, необходимы осторожность и тщательные исследования. Применение собственно социологических методов при выдвижении теоретических положений может серьезно навредить данной отрасли познания. Есть риск, что развитие макросоциологии в России обернется как раз выдвижением новых идей (что само по себе неплохо), но выдвижением безответственным, в то время как собственно социологии, требующей серьезного исследовательского труда, вовсе не будет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция и исторический процесс // *Философия и общество*. 2007. № 3. С. 5–50.
- Заславская Т.И. Современное российское общество: проблемы и перспективы // *Общественные науки и современность*. 2004. № 5. С. 5–15.
- Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности / Пер. с англ. Н.С. Розова. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015.
- Кудров В. Производительность труда в промышленности России, США, Германии, Франции, Великобритании // *Вопросы экономики*. 1999. № 8. С. 112–123.
- Лопатников Л.И. Экономика двоевластия: беседы об истории рыночных реформ в России. М.; СПб.: Норма, 2000.
- Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2009.
- Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011.
- Романовский Н.В. Историческая макросоциология: опыт презентации // *Социологические исследования*. 2016. № 1. С. 163–167.
- Goldstone J. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: Univ. of California Press, 1991.
- Centeno M.A. *Blood and Debt: War and the Nation-State in Latin America*. University Park Pa.: Pennsylvania State University Press, 2002.
- Collins R. *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Stanford: Stanford University Press, 1999.
- Collins R. *The Future Decline of the Russian Empire // Weberian Sociological Theory*. New York: Cambridge University Press, 1986. P. 186–210.
- King G., Keohane R.O., Verba, S. *Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research*. Princeton NJ: Princeton University Press, 1994.
- Perrow C. *Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies*. New York: Basic Books, 1984.
- Tilly C. *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990*. Oxford: Blackwell, 1990.
- Skocpol T. *States and Social Revolutions*. New York: Cambridge University Press, 1979.

Статья поступила: 14.06.17. Финальный вариант: 18.07.17. Принята к публикации: 20.10.17.

MACROHISTORY: CRITICISM OF THE SOCIOLOGY IN THE LONG RUN

TRUBITSYN D.V.

Transbaikalian State University, Russia

Dmitry V. TRUBITSYN, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Transbaikalian State University, Chita, Russia (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Abstract. Analyzing the work “Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run” by Randall Collins and works of some Russian scholars can reveal a range of difficulties and contradictions in sociological studies of long-run historical processes. The questions concerned are the problems of implementing principles of sociology (rigour of theoretical theses, verifiability, using of empirical material) in studying such processes as modernization and industrialization, democratization, globalization. The author criticizes geopolitical theory of state change formulated by the American sociologist, the “state-centered” theory of revolution. The author highlights following problems: the lack of a direct sociological research to justify the main theses; the unverified and questionable nature of “geopolitical determinism” when applied to the state evolution; the concept of break-ups, revolutions or political rises as results of an accidental, externally determined set of circumstances; ignoring economics and economic relations as the most important factor of these phenomena. A range of facts is pointed out that contradict with the “geopolitical” approach to historical interpretation. In particular, these are stagnation of the Soviet socialist economy, the decay of the army and the destructive processes in the Soviet society that had manifested themselves already before the obvious failures in external policy took place; another fact is that many modern states have had an effective democratic government system, never having claimed to be a superpower. It is stressed that direct sociological studies are necessary when it comes to theory building or suggesting new ideas and conceptions of historical process.

Keywords: macrosociology, theoretical history, long-run historical processes, modernization, methodology.

REFERENCES

- Centeno M.A. (2002) *Blood and Debt: War and the Nation-State in Latin America*. University Park Pa.: Pennsylvania State University Press.
- Collins R. (1986) *The Future Decline of the Russian Empire*. Weberian Sociological Theory. New York: Cambridge University Press: 186–210.

- Collins R. (1999) *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Stanford: Stanford University Press. (In Russ.)
- Collins R. (2015) *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run* / Translated by N.S. Rozov. Moscow: LENAND.
- Goldstone J. (1991) *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: Univ. of California Press.
- Grinin L.E., Korotaev A.V. (2007) Social Macroeolution and Historical Process (Introduction). *Filosofiya i Obshchestvo*. No. 2: 19–68. (In Russ.)
- King G., Keohane R.O., Verba S. (1994) *Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research*. Princeton NJ: Princeton University Press.
- Kudrov V. (1999). Comparing Industrial Labour Productivity in Russia, USA, Germany, France and Great Britain. *Voprosy Ekonomiki* [Problems of Economics]. No. 8: 112–123. (In Russ.)
- Lopatnikov L. I. (2000) *Dual Power Economics, Talks about the History of Market Reforms in Russia*. Moscow, Saint-Petersburg: Norma. (In Russ.)
- Perron C. (1984) *Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies*. New York: Basic Books.
- Romanovskiy N.V. (2016) Historical Macrosociology: a Presentation. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 163–167. (In Russ.)
- Rozov N.S. (2009) *Historical Macrosociology: Methodology and Methods*. Novosibirsk: Novosibirsk State University. (In Russ.)
- Rozov N.S. (2011) *Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the XXIth Century*. Moscow: ROSSPAN. (In Russ.)
- Skocpol T. (1979) *States and Social Revolutions*. New York: Cambridge University Press.
- Tilly C. (1990) *Coercion, Capital, and European States, AD 990 – 1990*. Oxford: Blackwell.
- Zaslavskaya T.I. (2004) Contemporary Russian Society: Problems and Perspectives. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 5: 5–15. (In Russ.)

Received: 14.06.17. Final version: 18.07.17. Accepted: 20.10.17.